Полный, ветхий тит. лист, разбит.
3-й экз.

Отдел Ленинградского Областного Комитета ВКП (б)
по изучению истории Октябрьской Революции и ВКП(б)
— Ленинградский Областной Истпарт —

24 VIII 74

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ

№ 2 (26)

1928 г.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
452р

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ ГАЗЕТА»
ЛЕНИНГРАД — 1928

ТИПОГРАФИЯ
«КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО
ЛЕНИНГРАД
Фонтанка, 57

Ленинградский Областлит № 12562. Заказ № 3299. Тираж 3.000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

№ 2 (26) «Красной Летописи» 1928 г.

I. Статьи, воспоминания, материалы.

К 25-ЛЕТИЮ ВТОРОГО СЪЕЗДА ПАРТИИ

ВТОРОЙ СЪЕЗД ПАРТИИ И ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦ.-ДЕМ. ОРГАНИЗАЦИЯ.

В этом году исполняется двадцатипятилетие Второго съезда партии, положившего основание образованию партии большевиков. В связи с этой годовщиной взоры историков партии невольно обращаются к этому знаменательному для нас периоду. Выяснить участие той или иной организации в работах по объединению партии и созыву Второго партийного съезда является первоочередной задачей дня. Настоящая статья касается одного из важнейших пунктов общепартийной работы — Петербурга.

В статье — «Как «Искра» завоевала Петербург» [1]) мы пытались дать картину возникновения в Петербурге последовательно-революционной искровской организации и проследить первые этапы ее существования.

Как нам удалось установить, искровская организация в Петербурге возникла в первых числах сентября 1901 года. Постепенно из небольшой ячейки она развернулась в сильную для того времени организацию и захватила под свое влияние почти весь социал-демократический Петербург.

Но Петербургская искровская организация не ограничила круг своей работы одними только местными, петербургскими, интересами. Ее глубоко волновали и общие вопросы строительства партии во всероссийском масштабе. Петербургская искровская организация принимала самое активное участие в деле подготовки и созыва Второго съезда РСДРП.

Выяснить состояние и работу Петербургской партийной организации в этот период и является задачей настоящей статьи. Заранее оговариваемся, что в виду чрезвычайной скудости

[1]) Журнал «Красная Летопись», № 4 (15) за 1925 г., стр. 216 — 243.

материалов, статья эта не может претендовать на исчерпывающую полноту и является скорее попыткой дать первый толчок в этом направлении, суммируя те данные, которые удалось собрать из немногочисленных воспоминаний петербургских работников того времени, из архивных дел департамента полиции и министерства юстиции, и из неопубликованной еще переписки «Искры» того периода с местными организациями, хранящейся в архиве Истпарта ЦК ВКП(б) и в Институте Ленина.

В то время, о котором идет речь, а, именно, в начале 1903 года, центральная петербургская организация, Петербургский комитет РСДРП находился целиком в руках «искровцев». Из отдельных товарищей, которые входили в состав этого комитета, можно назвать Марию Моисеевну Розенберг («Ольгу Петровну», «Нину Львовну», впоследствии по мужу — Эссен), которая заведывала постановкой пропаганды [1]), инженера-технолога Владимира Степановича Лаврова — заведующего техникой [2]), Анатолия Авдеевича Дивильковского («Ивана Ивановича») — редактора партийных листков [3]), Александра Эдуардовича Рериха («Лесник») [4]). Александра Петровича Доливо-Добровольского («Дно») [5]) и д-ра Владимира Пантелеймовича Краснухи. Секретарем комитета являлась Елена Дмитриевна Стасова.

Кроме того в состав Петербургского комитета на правах его членов входили представители от районов: Выборгского — Александр Васильевич Шотман, Васильевского — Иван Савельевич Белянчиков (по прозвищу «Нитка» и «Ваня») [6]), Петроградского — Израиль Стернин (по прозвищу «Гриша») [7]) и Нарвского — Миллер (Стейн-Миллер. Работал слесарем в Мраморном дворце. По словам А. А. Дивильковского, впоследствии он оказался провокатором). Каждый заведующий районом обладал значительной долей самостоятельности, имел свои явки и сам организовывал свои собрания. Секретарь комитета не являлся лицом, охватывающим всю работу организации. Это был, по преимуществу, работник, руководящий техникой. На его обязанности помимо очередной текущей работы лежало также и сношение с заграницей. С организаторами районов чаще всего сносился ответственный организатор, который периодически устраивал собрания организаторов.

При комитете была своя группа пропагандистов, в состав которой входили: Кузнецов [1]), Александр Магнусович Эссен («Бур»), Эдуард Эдуардович Эссен («Барон»), Борис Павлович Торгашев («Адриан Васильевич»), студент Леонид Леонидович Никитин, студент А. А. Плюснин, Гинзбург, А. Н. Славянов, Н. Н. Соколов, Анна Павловна Паромова (жена Н. Н. Соколова), Леонид П. Крыжановский («Костя»), Борис Александрович Бахметьев [2]), Сарра Наумовна Равич, Прасковья Францевна Куделли, Коган («Абрамчик», «Степан»), студент-математик Турбин, Лидия Николаевна Бархатова, студент университета Владимир (?) Георгиевич Циммерман («Семен Семенович», работал среди военных) и другие. Пропагандисты руководили рабочими кружками и вели в них систематические занятия. На долю каждого пропагандиста приходилось не менее двух рабочих кружков.

Техникой, как я уже говорил, заведывал член комитета Лавров. Ближайшей помощницей его являлась Лидия Христофоровна Гоби («Ирина»). Кроме того, в технике работал студент Института путей сообщения Шишкин, который позднее, осенью 1903 года вошел в состав Петербургского комитета, и Анна Яковлевна Гуревич (сестра известного педагога). Транспортом через финляндскую границу заведывал Николай Евгениевич Буренин («Герман», «Николай Николаевич»). Непосредственными помощниками его являлись названные выше пропагандисты А. М. и Э. Э. Эссены, а также студенты Савинич, Муратов и Владимир Мартынович Смирнов.

Заседания Петербургского комитета бывали в разных местах. Собирались у Зунделевичей, у профессора Политехнического

1) После ареста М. М. Розенберг, накануне 1 мая 1903 г., заведывание пропагандой взяла на себя Елизавета Николаевна Федорова (впоследствии по мужу — Штремер).

2) Лавров одно время писал под псевдонимом Стрельский. До Лаврова техникой заведывал Векслер. Помимо заведывания техникой Лавров вел некоторое время переписку с «Искрой».

3) После ареста М. М. Розенберг, накануне 1 мая 1903 года, Дивильковский принял на себя обязанности ответственного организатора.

4) Был членом комитета недолгое время.

5) Также недолго был членом комитета. Арестован 27 февраля 1903 г.

6) Ныне не состоит в рядах партии.

7) В настоящее время его уже нет в живых.

1) На обязанности Кузнецова лежала организация студенчества. В 1905 г. Кузнецов работал в Минской организации.

2) Был назначен в 1917 г. Временным правительством российским послом в Америку, где пребывает и сейчас на положении эмигранта.

института Виктора Львовича Кирпичева (на Большом проспекте Петербургской стороны), у профессора химии Людвига Юльевича Явейн (на Загородном проспекте) и в других местах. Конспиративной квартирой специально ведал (и жил в ней) Владимир Николаевич Магнитский, служивший в страховом обществе «Надежда». Сперва была превосходная квартира на Измайловском проспекте (угол 2-й и 3-й роты), потом недолго на Бассейной улице и, наконец, на Греческом проспекте (у сквера). Квартира широко использовалась, в частности, приезжими из-за границы и никогда не проваливалась.

Из организаторов районов, не входивших в состав Петербургского комитета, можно назвать упоминавшегося выше Бориса Павловича Торгашева, который являлся организатором Невского района вплоть до июля 1903 г., когда он был арестован. После его ареста его работу принял на себя Лейбазон. Связь с полюстровским подрайоном поддерживалась через Александра Эркку. В Охтенском подрайоне работа велась через братьев Павла и Илью Судаковых.

Кроме перечисленных организаторов имелся еще организатор в городском районе, но фамилию его установить не удалось [1]).

«Обязанности «организатора», — пишет начальник Петербургского охранного отделения в донесении начальнику жандармского управления от 28 июля 1903 г., — по своему району сводились к тому, чтобы он организовал кружки на заводах своего района, доставлял нелегальную литературу, занимался пропагандой, как и сам лично, так и указывал бы людей, могущих заниматься пропагандой.

Периодически организаторы всех районов должны были собираться на «организаторские» собрания, где давали отчет в своих действиях перед особо уполномоченным от Центрального комитета «ответственным организатором». Кроме отчетов по районам, на этих собраниях решались вопросы о приобретении нелегальной литературы для кружковых занятий, а также обсуждались вопросы о том, в каком районе нужно усилить агитационную деятельность. В виду происшедшего в текущем году раскола демократических групп [2]) на обязанности «ответственного организатора» лежало выработать возможное соглашение между ними, дабы соединенными силами более успешно вести пропаганду среди рабочих. Тот же

[1]) По одним данным таковым организатором являлся Кульчицкий (?), по другим данным—организатор городского района носил кличку «Фома».

[2]) Об этом расколе речь будет идти ниже. *А. П.-Ж.*

«ответственный организатор» должен был заботиться о приискании конспиративных и явочных квартир и квартир для организаторских собраний» [1]).

«Наряду с организацией кружков, — пишет один из членов Петербургского комитета того времени, М. М. Розенберг (Эссен), [2]) – создавали на заводах и фабриках ячейки, где орудовали наши организаторы районов. Трудно сказать, как велико было число этих ячеек, учет был всегда приблизителен, но все же на каждом крупном заводе, предприятии имелась прочная связь, а на больших заводах и в каждом цехе. Вопросы, рассмотренные комитетом, и принятые решения переносились на заседания заводских ячеек. Организационной четкости в этих ячейках не было, но все же живая связь комитета с массой рабочих через эти ячейки существовала довольно прочная. Отлично, этот период, работала наша техника. Две типографии—одна в Вильно, другая в Петербурге—работали с полной нагрузкой. Листками мы наводняли предприятия. Отлично также тогда работал наш транспорт на финляндской границе, и литературой мы наводняли рабочие районы. «Искру» зачитывали до дыр».

Общее количество кружков к весне 1903 года было не менее 50-ти. Листовок комитет выпускал не менее 3 — 4 в месяц, по 10.000 — 15.000 экземпляров. Кроме этого выпускались листки местного значения.

Наряду с Петербургским комитетом РСДРП в Петербурге продолжала еще существовать так называемая «Рабочая организация Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса». Эта организация представляла собою осколок старого Петербургского союза борьбы и являлась последней цитаделью «экономистов». Когда то она представляла собою часть Союза борьбы, но, с официальным переходом последнего на «искровские» рельсы, выделилась осенью 1902 г. в самостоятельную организацию [3]).

Во главе «Рабочей организации» стоял комитет, который руководил всей деятельностью группы. В состав комитета входили студенты Лесного института Александр Сергеевич Токарев, известный под кличкой «Вышибайло», и Иван Федорович

[1]) А. А. Дивильковский рассказывает, что квартиры для организаторских собраний благодаря своим связям очень умело доставлял гимназист «Ваничка», он же «Иван Иванович». Например, один раз он предоставил под собрание квартиру пристава, который в это время находился в отсутствии. *А. П.-Ж.*

[2]) Статья — «Петербургская организация в конце 1902 г. и в первой половине 1903 г.» в № 2 (17) журнала «Красная летопись» за 1926 г.

[3]) Подробнее об этом см. в статье — «Как «Искра» завоевала Петербург».

Щеглов, Николай Иванович Иорданский, студент Петербургского университета Александр (Абрам) Наумович Карасик, слушательница высших женских курсов Мария Алексеевна Полубояринова, токарь Николай Иванович Афанасьев, проживавший по паспорту на имя Коромыслова, студент Горного института Василий Васильевич Чернявский, Василий Яковлевич Яковлев (Богучарский), Леонтий Леонтьевич Бенуа, служивший главноуправляющим имениями и домами князя Юсупова, Дмитрий Минович Зайцев, Мария Логачева и слесарь Владислав (Владимир) Осипович Яцыневич. Первые шесть из перечисленных здесь членов комитета представляли собою особую «Исполнительную группу», на обязанности которой «лежало оборудование нелегальных типографий, направление в них для печатания революционных сочинений, наблюдение за быстрым изготовлением последних, сношение с иногородними и заграничными социал-демократическими организациями, устройство временных и постоянных складов для хранения запрещенных книг и рассылка таковых по разным городам империи».

Главенствующее положение в «Исполнительной группе» занимали Токарев и Щеглов. Они же являлись и ее основателями. Щеглов выработал устав группы. Токарев составлял воззвания, редактировал предназначавшиеся для напечатания статьи, состоял корреспондентом заграничных революционных органов и распространял в широких размерах издания Союза. Полубояринова заведывала складами агитационной литературы и рассылкою последней по отдельным кружкам. Заседания исполнительной группы происходили на квартире Афанасьева, который принимал активное участие в обсуждении стоящих перед группой вопросов.

При комитете рабочей организации состоял специальный «совет пропагандистов», занимавшихся непосредственно вопросами агитации и пропаганды.

Комитет рабочей организации объединял целую серию фабрично-заводских кружков, которые имели свои районные объединения, так называемые «районные группы». Во главе каждого района стоял «заведывающий», т. е. своего рода уполномоченный по данному району, и, кроме того, представитель рабочих кружков данного района. И «заведывающие» и «представители районов» обычно присутствовали на заседаниях комитета рабочей организации. В то время, о котором идет речь,

т. е. начало 1903 года, заведывающими и представителями районов являлись следующие лица: Невский район: заведывающий— Семен Семенович Громов, представитель — Степан Семенович Семенов [1]); Нарвский район: заведывающий Василий Васильевич Чернявский, представитель — Федор Яковлевич Яковлев; Охтенский район: представитель Александр Осипович Яцыневич; Колпинский район: представители — Иван Сидорович Покатов и Татьяна Ивановна Романова [2]); Шлиссельбургский район: заведывающий — Александр Наумович Карасик, представитель — Степан Семенович Семенов [3]). Фамилии заведующих и представителей других районов установить не удалось.

Из отдельных рабочих кружков, которые примыкали к рабочей организации, можно указать на кружок рабочих Обуховского завода под названием «Лассаль». Кружок этот основался в августе 1902 года. В состав его входили рабочие: Сергей Васильевич Малышев, Сергей Николаевич Сулимов, Семен Осипович Могульский, Михаил Иванович Морозов, Василий Александрович Копецкий и др. Пропагандистами в кружке были студенты Горного института Василий Петрович Гербаненко, курсистка курсов Лесгафта Сарра Липмановна Зильберквейт и неизвестная пропагандистка под кличкой «Ольга Ивановна». Кружок был арестован в начале 1903 года. Аресты членов кружка начались в ноябре 1902 года и окончились в феврале 1903 г.

В рабочих кружках искровского направления, как правило, членских взносов не существовало. Организация работала на средства, получаемые от устройства различного рода концертов и вечеров, а также на пожертвования отдельных сочувствующих партии лиц. В ряде кружков «Рабочей организации» существовал членский взнос — 25 коп.

И Петербургский комитет и «Рабочая организация» имели свои тайные типографии, в которых печатались прокламации и другая революционная литература. У Петербургского комитета было две типографии. Одна помещалась сначала на Гусевом

[1]) По другим данным, представителем был Петр Егорович Волков, давший после ареста откровенные показания.

[2]) Повидимому, они или чередовались, или являлись представителями в разное время.

[3]) Очевидно, Семенов был представителем или одновременно от двух районов — Невского и Шлиссельбургского, или представительствовал от этих двух районов в разное время.

переулке, в доме № 8 (здесь был только мимеограф), потом на 9-й Рождественской улице (здесь был уже ротатор) и, наконец, на Апраксином переулке, в доме № 7 (здесь была поставлена бостонка), где она 10 апреля 1903 г. и провалилась. Во главе этой типографии стояли бывш. студент Горного института Михаил Ефремович Штейнман и Сергей Михайлович Розеноер. Эта типография в некоторых случаях обслуживала и «Рабочую организацию». После провала этой типографии была организована типография в одном из домов, расположенных на Покровской площади. Экспедиция печатаемой литературы помещалась на Казначейской улице. Во главе ее стояла портниха София Беленькая.

Другая типография помещалась в Вильно. Кто являлся ее руководителем — выяснить не удалось.

У «Рабочей организации» типография помещалась на Галерной улице, в доме № 42. Во главе ее стояли супруги Георгий Алексеевич и Анна Ивановна Карпенко, и бывш. студент Московского университета Александр Андреевич Мунгалов. Эти лица носили название издательской социал-демократической группы «Рабочий». Группа эта сформировалась осенью 1902 г. и просуществовала до 24 марта 1903 г., когда была арестована вместе с типографией.

Кроме Петербургского комитета и «Рабочей организации» в Петербурге в это время существовала еще третья социал-демократическая организация. Организация эта образовалась из группы лиц, отделившейся в конце февраля 1903 г. от Петербургского комитета отчасти по личным, отчасти по организационным соображениям. Группа эта самовольно присвоила себе название «Петербургского комитета РСДРП». (Таким образом, в описываемое время в Петербурге существовало два Петербургских комитета). Группа эта по направлению приближалась к «Искровцам». Руководителями ее являлись д-р Мейер Яковлевич Лукомский, живший и работавший за Невской заставой, зубной врач Константин Константинович Бронштейн («Какаду»), живший на Охте, д-р Стенцель, д-р Капель, д-р Борис Михайлович Эльцын и другие [1]). Эта группа добивалась посылки

[1]) В числе этих других А. А. Дивильковский вспоминает «главного организатора» Грамматчикова («Андрей Черный») и одного из организаторов районов Александра Экка («Андрей Белый»). Последний погиб в империалистическую войну, будучи добровольцем на французском фронте.

своего представителя на второй партийный съезд, но в этом ей было отказано. Впрочем, речь об этом будет еще впереди [1]).

Кроме трех, перечисленных выше социал-демократических организаций, в Петербурге существовала еще четвертая, носившая название: «Революционная социал-демократическая группа «Воля». Этой организацией был выпущен первомайский листок, листок к солдатам и брошюра «Боевая тактика». Никаких других сведений о работе этой организации, а также о ее личном составе *найти*, — *не удалось* [2]).

Мысль о созыве Второго партийного съезда зародилась в Петербурге задолго до того времени, о котором у нас идет речь.

Еще в начале 1900 г. представители петербургской группы «Рабочее знамя» поставили задачей содействовать объединению

[1]) Относительно этой группы так же, как и относительно «Рабочей организации», Петербургский комитет РСДРП в № 42 «Искры» опубликовал следующее заявление:

«Заявление Союза борьбы за освобождение рабочего класса. С.-Петербургский комитет российской социал-демократической рабочей партии.

«Мы заявляем, что: 1) группа лиц, выступившая из нашей организации осенью 1902 г., о чем она тогда же выпустила заявление за подписью Комитета рабочей организации и впоследствии № 16 «Рабочей мысли», и 2) группа лиц, выступившая из нашей организации в конце февраля 1903 г. и выпустившая листок о кишиневских событиях (на мимеографе), майский печатный), и еще некоторые за подписью С.-Петербургского комитета,— не имеют права, не нарушая постановлений съезда 1898 г. *присваивать себе: первая — названия* Союза борьбы, а *вторая — названия* С.-Петербургского комитета».

Май 1903 г. *С.-Петербургский комитет.*

[2]) Повидимому, группа «Воля» выполняла, главным образом, транспортные функции, а по направлению была «искровской». Н. К. Крупская в письме Ф. В. Ленгнику в Киев от 15 декабря (н. с.) 1902 г. пишет:

«... что знаете о «Группе Воли»? Что это за группа? Она говорит, что возит литературу Киевскому комитету, что дала «Искра« 1000 р., и на этом основании требует 8 пудов, 4 для себя и 4 для Киева. Не имеет ли эта группа какого отношения к Северному союзу? До выяснения вопроса, что за группа, не можем дать ей литературы...»

В приписке к письму В. И. Ленина Е. Д. Стасовой в Петербург от 15 января (н. с.) 1903 г, Н. К. пишет:

«... Что касается транспортной группы «Воля», то необходимо эту группу уговорить примкнуть к транспортной организации «Искры», необходимо объединять все отдельные предприятия этого рода. Игнат [П. А. Красиков] уже сделал шаги в этом направлении, дав явку к этой группе Косте [Р. С. Гальбердштад] (заведующему транспортным делом)»...

различных, действующих в России, социал-демократических организаций и тем самым положить основание единой российской социал-демократической рабочей партии. В письме петербургской группе «Рабочее Знамя» от 24 марта 1900 г. один из руководителей этой группы Сергей Васильевич Андропов, находившийся в это время за границей, пишет:

«У меня все время здесь была любимая мечта, которой я жил все время. Я мечтал, что в наше смутное время, когда русские социал-демократы страшно запутались в бесконечных пререканиях, вы, молодая петербургская организация, поможете распутать эту путаницу и своей ясной программой будете содействовать объединению других партий под одним знаменем. Я мечтал, что мы дадим, действительно, новое своей деятельностью и ясно наметим путь, по которому надо вести русский пролетариат». [1])

Однако, несмотря на такие настроения рабочезнаменцев, организация подготовлявшегося на 7 мая 1900 г. всероссийского съезда в Смоленске прошла без всякого участия питерцев. Главным организатором созыва съезда явился Екатеринославский комитет. В Петербург для связи им был командирован член редакции «Южного рабочего» С. К. Харченко, но он говорил там только с представителями «Союза борьбы» (экономистами). Последние отнеслись к идее съезда отрицательно, считая вопрос о восстановлении партии несвоевременным. Исходя из общего своего мировоззрения они полагали, что сперва необходимо создать в рабочей среде организации, объединенные общими экономическими задачами, а политическое оформление организаций рабочего класса откладывали на неопределенное время. На точке зрения несвоевременности съезда стоял в то время и Ленин, но, конечно, из совершенно других соображений, нежели экономисты. Ленин возражал против простого механического объединения существующих комитетов. Он считал, что для объединения должна быть предварительно положена общая идеологическая база. Съезд, по его мнению, должен был послужить объединению всех подлинно революционных социал-демократических элементов. Псевдо-революционные группировки не должны найти себе места в рядах партии. Прежде, чем объединяться, необходимо размеже-

[1]) Дело особого отдела д-та полиции за 1898 г. за № 5, ч. 7, лит. И. Отрывки из этого письма уже приводились в нашей статье: «Как «Искра» завоевала Петербург».

ваться,—так формулировал свою мысль Ленин. Ближайшими же шагами по пути организации партии он считал создание единой общерусской революционной социал-демократической газеты, которую ему и удалось поставить к концу этого года под названием «Искра».

Съезд в Смоленске так и не состоялся. Приехали только два делегата Бунда: Тарас (Давид Кац) и Александр Миронович Ноах (Портной) и один представитель выходящего за границей «Рабочего дела», Цемах Мордохович Копельзон (Тимофей). Пришлось объявить съезд несостоявшимся. Неудача созыва съезда объясняется не только отрицательным отношением к нему ряда организаций, но и крупными провалами, которые произошли в это время на юге России.

За период 1900—1901 г. г. состоялись еще две небольшие попытки созвать Второй съезд. Первая из них, предпринятая «Рабочим делом», относится к сентябрю 1900 года. Вторая, предпринятая, повидимому, социал-демократией Польши и Литвы,—к весне 1901 года. Обе эти попытки окончились неудачно.

Следующая, уже четвертая, попытка созыва Второго съезда относится к концу марта 1902 г., на этот раз при активном участии Петербургской организации. В докладе организационного комитета Второму съезду партии инициаторами этой попытки называются Бунд и Петербургский комитет. [1]) Кроме этих двух организаций в созыве съезда принял участие «Заграничный союз русских социал-демократов». Местом для съезда был намечен Белосток.

Петербургский комитет, который принял участие в созыве съезда, находился в это время еще под влиянием экономистов. Искровская группа, которая в это время уже существовала в Петербурге, оказалась в стороне от этого дела. Здесь, с одной

[1]) П. Н. Лепешинский о своих примечаниях к «Протоколам второго съезда РСДРП» (изд. «Прибой», 1924 г., Ленинград, стр. 371) отрицает то, что Петербургский комитет был одним из инициаторов созыва съезда в Белостоке. Между тем об этом говорит не только приведенный в тех же протоколах доклад Организационного комитета, но и заявление участника конференции Ф. И. Дана, приведенное в книге О. А. Варенцовой —«Северный рабочий союз» (изд. «Основа», Иваново-Вознесенск, 1925 г., стр. 35) и, наконец, полицейское дознание (Дело временной канцелярии при министерстве юстиции по производству особых уголовных дел за № 15410, 1902 г., — «О лекаре Федоре Гурвиче и др»).

стороны, сыграло роль то обстоятельство, что как раз накануне этого съезда, *в октябре-декабре 1901 г., петербургская искровская* организация подвергалась жестокому разгрому. Почти все активные работники организации были арестованы. Но, с другой стороны, здесь, возможно, имел место и сознательный обход искровской организации со стороны представителей враждебного ей идейного течения. Ведь и Бунд и «Заграничный союз русских социал-демократов» являлись оппортунистическими, по направлению, организациями. И вполне естественно предположить, что они сознательно хотели созвать съезд за спиною искровских организаций, чтобы поставить их потом перед фактом образования партии на «экономической» платформе. Такое подозрение высказывается и заграничной организацией «Искры» своему Одесскому агенту. В письме от 14 декабря 1901 г. мы читаем:

«А теперь пару слов о союзниках. Оказывается, эти господа затеяли в самом ближайшем будущем устроить съезд из представителей главных комитетов и заграничных организаций. Нам, очевидно, хотят сообщить в последнюю минуту. Мы предлагаем нашим держаться такой тактики: требовать, чтобы съезд был отложен, по крайней мере, до весны. [К новому году выйдет брошюра «Искры», в которой, в связи с организационными вопросами, будут рассмотрены причины разногласий [1]. Созывать съезд до появления этой брошюры,—значит, желать решать дело, не выслушав обе стороны» [2].

Съезд, действительно, удалось оттянуть до весны, но и выход брошюры «Что делать» по техническим причинам *задержался*. Она вышла в свет только во второй половине марта 1902 г. Поэтому, естественно, что отношение «искровцев» к съезду в марте 1902 г. было такое же, как и в декабре 1901 г.

Еще более резко об организационной стороне созыва съезда отзывался агент «Искры» Ф. И. Дан (Гурвич,—в Россию он приехал под фамилией Проппера), который специально прибыл из-за границы для участия в работах съезда. Будучи уже после съезда в гор. Ярославле, он говорил местному активному работнику О. А. Варенцовой, «что Петербугский комитет союза борьбы за освобождение рабочего класса, созвавший съезд, «смошенничал», послав приглашение различным организациям

[1]) Здесь имеется в виду брошюра В. И. Ленина — «Что делать». *А. И.-Ж.*

[2]) Дело деп-та полиции, особый отдел, № 825, ч. 2.

«Искры» таким образом, что представители их не могли попасть на съезд...» [1])

Несмотря на несочувствие «искровцев», съезд состоялся, как и было первоначально предположено, в Белостоке с 23 по 28 марта 1902 г. Однако, сразу же выявилась и его неудача. Большинство представителей, приглашенных организацией, не явились. На съезд прибыли только два представителя Петербургского комитета союза борьбы за освобождение рабочего класса — д-р Владимир Пантелеймонович Краснуха [2]) и Шендер Меерович (Александр Миронович) Зельдов [3]) представитель союза южных организаций О. А. Ерманский, представитель Екатеринославского комитета Шипулинский («Федор») от «Заграничного союза русских социал-демократов» М. Г. Коган (Гриневич), от ЦК Бунда д-р Пинхус (Павел) Шахнович Розенталь, от заграничного комитета Бунда Александр Миронович Наах (Портной) [4]). Все эти делегаты в той или иной степени находились *под влиянием «экономизма» и по своим взглядам* примыкали к направлению заграничного журнала «Рабочее Дело». Из искровцев на съезде были только представитель Нижегородского комитета А. И. Пискунов [5]) и представитель заграничной

[1]) Дело временной канцелярии *при министерстве юстиции по производству* особых уголовных дел за № 15410, 1902 г., — «О лекаре Федоре Гурвиче и др.» Таким же, приблизительно, образом излагает слова Ф. Дана *и сама* О. А. *Варенцова в своей брошюре* — «Северный рабочий союз», изд. «Основа», Иваново-Вознесенск, 1925 г., стр. 35. При разговоре Варенцовой с Даном присутствовал провокатор Меньщиков, который и дал все сведения полиции.

[2]) В это время Краснуха являлся, если можно так выразиться, левым «экономистом». Впоследствии он перешел в ряды сторонников «Искры».

[3]) Зельдов, бывший в 1901 году членом Виленского комитета Бунда, в 1902 году жил в Петербурге и играл здесь видную роль в Петербургском союзе борьбы. В партийной переписке он называется «бундистом».

[4]) Участие представителя заграничного комитета Бунда установлено точно, но был ли это Ноах, или кто другой, не удалось выяснить. Ноаха называет О. А. Ерманский, но он не вполне уверен в своем утверждении.

[5]) П. Н. Лепешинский в примечаниях к протоколам Второго съезда, (стр. 371) утверждает, что представителя Нижегородского комитета на Белостокской конференции не было. Между тем о его присутствии на конференции говорит и зачитанный на Втором съезде доклад Организационного комитета и воспоминания О. А. Варенцовой («Северный рабочий союз», изд. «Основа», Иваново-Вознесенск, 1925 г., стр. 35), и полицей-

«Искры», уже упоминавшийся нами выше Ф. И. Дан [1]. Пискунов, впрочем, недолго был на съезде. Он должен был вернуться обратно в Нижний-Новгород и потому покинул съезд в самом его начале. Перед отъездом у него было совещание с Даном о том, как бы усилить искровскую позицию на съезде. Было решено, что Пискунов по дороге заедет в Петербург и постарается вызвать оттуда на съезд кого-нибудь из местных видных искровцев. Однако, Петербург никого из искровцев послать в Белосток не смог. Е. Д. Стасова, с которой виделся и имел беседу Пискунов, послала специального гонца в Псков, где в то время было настоящее искровское гнездо, но и оттуда никто в Белосток не поехал. Пришлось Дану одному проводить ту директиву, которую он получил от заграничной организации «Искры». Директива эта, изложенная в виде доклада редакции «Искры», была написана В. И. Лениным. Дан огласил ее на одном из первых заседаний съезда [2]. Основные требования «Искры» к съехавшимся в Белосток товарищам заключались в том, чтобы они объявили себя не съездом, а конференцией, чтобы они выявили общую идейную платформу для созыва будущего съезда, чтобы они выбрали Организационной комитет и, наконец, чтобы они озаботились организационной стороной празднования наступающего дня 1 мая.

Все эти требования в общем и были приняты конференцией. В выбранный конференцией Организационный комитет вошли три человека: представитель «Искры» Ф. И. Дан, представитель союза южных комитетов О. А. Ерманский и представитель Ц. К. Бунда д-р П. Ш. Розенталь [3]). Организацион-

ское дознание (Дело временной канцелярии при министерстве юстиции по производству особых уголовных дел за № 15410, 1902 г., «О лекаре Федоре Гурвиче и др.»), и, наконец, воспоминания самого А. Пискунова, помещенные в выпуске № 4 «Материалов по истории революционного движения», изданных Нижегородским Истпартом в 1922 г.

[1]) В Белосток на конференцию прибыл еще Ленгник («Курц»), но не нашел помещения, где заседала конференция, и принужден был уехать ни с чем.

[2]) Ввиду того, что этот доклад неоднократно печатался в различного рода революционных хрестоматиях и вошел в полное собрание сочинений В. И. Ленина (т. v, стр. 275), мы не приводим его.

[3]) Состав Организационного комитета указывается в упомянутом выше докладе Организационного комитета Второму съезду партии. Этот же состав подтверждается и воспоминаниями О. А. Ерманского — «Из пережитого», ГИЗ., 1927 г., стр. 59.

ный комитет по мысли участников конференции должен был временно исполнять функции Центрального комитета партии, регулируя и объединяя деятельность всех партийных организаций и подготовляя созыв Второго общепартийного съезда.

Предвидя возможность ареста членов Организационного комитета, конференция постановила, что, в случае провала Организационного комитета, возобновление его должно быть делом всех участников конференции. Это постановление было весьма предусмотрительным, так как, действительно, по окончании конференции почти все ее участники были немедленно арестованы. Уцелели только Пискунов и Шипулинский, ускользнувшие от внимания полиции, да, по какой-то счастливой случайности, петербургский делегат д-р Краснуха. Связь с Пискуновым и Шипулинским была утеряна и потому функции Организационного комитета легли на плечи единственного уцелевшего члена конференции—д-ра Краснуху.

Лето 1902 г. было богато важными событиями в жизни Петербургской организации. Искровские идеи все больше и больше проникали в местную партийную организацию и завоевывали себе значительное число сторонников. Этому много содействовал и успех только что вышедшей книги В. И. Ленина — «Что делать», которая явилась для искровцев подлинным евангелием. Общее течение захватило собою и д-ра Краснуху, который на Белостокской конференции еще страдал некоторым оппортунизмом, а теперь, под влиянием происходящих событий и уроков практической работы, стал постепенно убеждаться в правильности искровских взглядов. В июле 1902 г. при активном участии д-ра Краснухи, который продолжал оставаться членом Петербургского комитета, произошло оффициальное присоединение Петербургского комитета союза борьбы к платформе «Искры» [1]). В лице влившихся в организацию твердокаменных искровцев, которые до сих пор существовали отдельно, Краснуха получил надежных товарищей не только в петербургской работе, но и в отношении возобновления работы по созыву Второго съезда. Наиболее активное участие

[1]) Подробнее об этом событии говорится в нашей статье—«Как «Искра» завоевала Петербург» («Красная летопись» № 4/15 за 1925 г.). Здесь касаемся этих событий лишь постольку, поскольку это имеет отношение к участию Петербургской партийной организации в работах по созыву Второго съезда.

в этом отношении принял глава питерской искровской организации — И. И. Радченко. Было решено для того, чтобы восстановить Организационный комитет, созвать новую конференцию из представителей тех же организаций, которые были представлены на конференции в Белостоке. В осуществление этой задачи И. И. Радченко принял на себя функцию разъездного агента и поехал по России собирать представителей на предполагаемую конференцию.

Эта работа питерцев протекала под непосредственным руководством заграничной организации «Искры» и, в частности, т. В. И. Ленина. Отношение его к созыву съезда теперь коренным образом переменилось. Это и понятно. Книга «Что делать» была уже выпущена и сыграла огромнейшую роль в деле оформления мировоззрения русских социал-демократов. «Искра» сделалась популярнейшим органом русского революционного марксизма и привлекла на свою сторону не только отдельных социал-демократов, но и целые социал-демократические организации, в том числе две наиболее крупные из них Петербургскую и Московскую [1]). Таким образом, предварительное идейное объединение русской социал-демократии, на котором так настаивал Ленин, в значительной своей части было уже выполнено и потому в порядке дня теперь было и организационное ее объединение, а, именно, созыв II партийного съезда.

В своем первом письме к И. И. Радченко В. И. Ленин дает следующие директивы:

«Сейчас дал бундисту [2]) явку к вам. Это по делу съезда. Вы с ним плюс бюро и еще кто должны образовать русский комитет для подготовки съезда. Держитесь внушительно и с осторожностью. Возьмите на себя побольше районы, в которых Вы беретесь подготовить съезд, сошлитесь на бюро (назыв. иначе), одним словом, сделайте так, чтобы все дело было вполне в ваших руках. Бунд же пускай Бундом и организуется. Мы начнем здесь ряд переговоров о здешнем сближении и будем извещать вас тотчас.

Итак, наметьте состав русского комитета по подготовке съезда наиболее выгодный для нас (может быть, удобно будет сказать, что Вы

1) Московский комитет в это время также заявил о своем присоединении к платформе «Искры».

2) «Бундист» — это, как мы писали уже выше, Шендер Меерович Зельдов, который, являясь по взглядам бундовцем, работал в Петербургском союзе борьбы. *А. И.-Ж.*

уже образовали этот комитет и очень рады участию Бунда и тому подобное). Возьмите на себя непременно секретарство в этом комитете. Это — первые шаги, а там увидим. Говорю «наметьте» состав, чтобы вы имели больше свободы: не связывайте себя сразу перед Бундом и поставьте себя хозяином этого предприятия» [1]).

В следующем письме тому-же И. И. Радченко Ленин между прочим пишет:

«Образовать русский О. К. непременно должны Вы и взять его в свои руки: Вы от Вани [2]), Клер от Сони [3]), да плюс еще один из наших с юга — вот идеал. С Бундом держитесь крайне осторожно и сдержанно, не открывая карт, представляя ему ведать дела Бунда и не давая ему совать нос в дела русские: помните, что это ненадежный друг (а то и враг) [4]).

В августе 1902 г. ряд видных искровцев съехались в Лондоне у В. И. Ленина. Здесь был уже упомянутый нами выше д-р Владимир Пантелеймонович Краснуха, Петр Ананьевич Красиков, живший в это время в Пскове, и представитель Северного рабочего союза Владимир Александрович Носков. Ожидали и Пантелеймона Николаевича Лепешинского [5]), но он задержался в Женеве у Г. В. Плеханова и в Лондон так и не приехал. Это совещание имеет большое значение, так как на нем неоффициально был сконструирован новый Организационный комитет, который получил свое формальное утверждение на последующей Псковской конференции 2—3 ноября ст. ст. 1902 года.

Н. К. Крупская в своем письме к И. И. Радченко в Петербург от 16 августа ст. ст. 1902 г. так говорит об этом совещании [6]):

1) Женевский партийный архив; тетрадь с пометкой «Аркадий», письмо 1-е. Судя по приписке Н. К. Крупской, это письмо было написано 22 июля (н. с.) 1902 г.

2) Ваня — Петербургский комитет.

3) Клер — Глеб Максимилианович Кржижановский, нынешний председатель Госплана, Соня — Самара, где в то время помещалось Бюро русской организации «Искры» и жил Кржижановский. *А. И.-Ж.*

4) Женевский партийный архив, тетрадь с пометкой «Аркадий», письмо 2-е.

5) П. Н. Лепешинский проживал в Пскове и принадлежал к псковской «искровской» группе, но был в тесной связи с Петербургскими «искровцами». Он неоднократно приезжал в Петербург и здесь активно содействовал завоеванию «искровцами» Петербургского комитета партии.

6) Письмо Н. К. Крупской, отрывок из которого мы приводим, хранится в Институте В. И. Ленина, а копия с него, по которой мы и цитируем, — в архиве Центрального истпарта.

«... Ну-с, у нас теперь Ваня [Краснуха, В. П.], музыкант [Красиков, П. А.] и Семен Семенович [Носков, В. А.] Единодушие полное Вчера порешили следующее: Ваня [Петербургский союз], русская организация «Искры», Семен Семенович [Северный союз] фактически объединяются, Ваня [Петербургский союз] и Семен Семенович [Северный союз] выпускают заявление о своей солидарности с «Искрой» На основании постановлений весенней [Белостокской] конференции, Ваня [Петербургский союз] + организация «Искры» + Северный союз устраивают Организационный комитет для подготовки общепартийного съезда. Потом в этот комитет должны будут войти представители от Бори [Бунда] и от Юга [«Южного рабочего»], но это потом, пока же Организационный комитет считается еще неконституировавшимся и никто, кроме своих, о нем не знает, состоит он исключительно из своих людей. *Организационный комитет берет на себя функции ЦК и старается подготовить* фактическое объединение. Он заботится о доставке и распределении литературы, а, главное, о посылке своих людей в комитеты и завоевании их. Организационный комитет назначает агентов для исполнения тех или иных функций. Организационный комитет имеет право кооптации».

На совещательный характер Лондонских заседаний указывает и письмо В. И. Ленина, посланное им в конце того же августа 1902 в Петербург В. П. Краснухе и П. А. Красикову [1].

«Дорогой друг!»—пишет он в этом письме,—«заметок своих о нашем здешнем собрании я не могу найти. Да и не к чему они. Собрание имело совещательный характер и Вы вдвоем, конечно, лучше меня помните, что было. Восстановить официально того, что было, я не могу»...

Однако, новый Организационный комитет, несмотря на свой неоффициальный характер, широко развернул работу по вовлечению в свою орбиту новых и новых организаций. Функции разъездного агента наряду с И. И. Радченко принял на себя и П. А. Красиков, который осенью 1902 года объехал ряд городов, в том числе Киев, где быстро нашел общий язык с местной организацией. Вскоре неофициальный Организационный комитет нашел возможным пополнить себя новыми членами. Об этом есть прямое указание в приведенном нами уже выше письме В. И. Ленина В. П. Краснухе и П. А. Красикову.

«...Очень и очень обрадовался»,—пишет В. И. Ленин,—«узнав, что Вы двинули быстро дело ОК и составили его из шести [2]). Удивлен только

[1]) Письмо хранится в Институте В. И. Ленина.

[2]) Нужно полагать, что, кроме В. П. Краснухи, П. А. Красикова и В. А. Носкова, которые вошли в ОК еще в Лондоне, кооптации подверглись: И. И. Радченко, как представитель Заграничной организации «Искры», и П. Н. Лепешинский, который еще на Лондонском совещании предназначался для активной работы в ОК. Этот перечень и составляет цифру шесть. *А. И.-Ж.*

тем, что Вы кооптировали других до формального констатирования, до призыва Бунда? Ведь намечено было наоборот? Это, впрочем, не так уж важно, если Вы убедились, что неудобств возникнуть не может»...

Окончательно оформление Организационного комитета произошло на псковской конференции, которая состоялась 2—3 ноября ст ст. 1902 г. в Пскове на квартире П. Н. Лепешинского.

На конференцию прибыли: В. П. Краснуха — от Петербургского комитета, И. И. Радченко, как уполномоченный заграничной организации «Искры», и Ефрем Яковлевич Левин (фигурировавший потом на Втором съезде под фамилией Егорова) — от группы «Южный Рабочий». Все трое *являлись* «искровцами». На конференции с правом совещательного голоса присутствовали П. Н. Лепешинский и Петр Ананьевич Красиков, который получил полномочия от Киевского комитета РСДРП. Должен был присутствовать и Г. М. Кржижановский («Клер»)— из Самары, в качестве представителя бюро Русской организации «Искры». Однако, он слишком поздно получил приглашение и прибыть на конференцию не мог. Бунд приглашения на эту конференцию не получил. Впоследствии организаторы конференции утверждали, что приглашение Бунду должен был передать П. А. Красиков, но он «почему-то» не передал этого приглашения. Если сопоставить эту «странную забывчивость» Красикова, с приведенной выше директивой Ленина в отношении привлечения Бунда, то станет ясно, что отсутствие Бунда на этой конференции не явилось случайным [1]).

Конференция выбрала в новый Органрзационный комитет всех трех участников конференции, которые тут же кооптировали в свой состав Г. М. Кржижановского, Ф. В. Ленгника П. А. Красикова, П. Н. Лепшинского и А. М. Стопани [2]). Поскольку

[1]) В. Н. Розанов, вошедший впоследствии в состав Организационного комитета по созыву Второго съезда, иначе объясняет причину отсутствия Бунда на Псковской конференции. В своих воспоминаниях, помещенных в № 6 журнала «Наша Заря», Петербург, за 1913 г. (Вл. Р-в — «Из партийного прошлого», стр. 37), он пишет: «В действительности нужно признать, что виноват был не Бунд, а один, весьма неудачный агент *«Искры», который, явившись в Бунд, наговорил там бог знает какого* вздору и которого Центральный комитет Бунда принял за провокатора, к чему он сам подал повод своим несоответствующим для революционного деятеля поведением».

[2]) Стопани («Семен») являлся представителем Северного союза.

в новый Организационный комитет вошел д-р Краснуха, преемственная связь с Белостокской конференцией была сохранена. Об образовании Организационного комитета было выпущено специальное воззвание [1]), в котором излагалась история возникновения Организационного комитета, а также стоящие перед ним задачи.

Являясь организующим центром русской социал-демократии, Организационному комитету, естественно, приходилось брать на себя некоторые общероссийские функции, т.-е., иначе говоря, в некоторой степени заменять собою Центральный комитет партии. Воззвание говорит об этом очень осторожно:

«...В виду того, что дело созыва съезда представляется в высшей степени сложным и требует для своего осуществления значительного времени, Организационный комитет впредь до восстановления центральной организации партии берет на себя выполнение некоторых общих функций (выпуск общерусских листков, общий транспорт и техника установление связей между комитетами и пр.).

Само собой разумеется, что Организационный комитет, возникший по частной инициативе некоторых организаций, находится в обязательных отношениях только к тем организациям, которые уже его уполномочили или дадут свои полномочия. Для всех же прочих комитетов и групп он представляет частную организацию, предлагающую им свои услуги».

Такая осторожность по тем временам вполне понятна. Организации в значительной части были еще заражены болезнью «самостийности» и в возникновении нового над-партийного органа могли усмотреть угрозу их самостоятельности. Одно неудачное слово в воззвании могло-бы показаться местным организациям, как попытка «командования», и сразу нанести значительный ущерб престижу и работе нового Организационного комитета. К тому же нужно сказать, что Организационный комитет образовался фактически явочным порядком.

Протоколов Псковской конференции, также как и конференции в Белостоке, не сохранилось. Единственным документом, говорящим о важнейших принятых ею решениях, является письмо П. Н. Лепешинского, написанное им для отправки заграницу. Ввиду особого интереса приведем его полностью.

[1]) Воззвание это мы не приводим, так как оно неоднократно уже публиковалось и вошло во все почти хрестоматии по истории партии.

«Ольга» [1]) конституировалась по инициативе Питера из трех (от Питера Гр., от «И» Касьян и от Юрия... [2]), потому что приглашенный Борис [3]) почему-то не явился; зато тем легче было принять некоторые решения и кооперироваться со своими людьми. Ольга [4]) кроме упомянутых лиц, состоит еще из Клера, Курца (отныне Ге) Шпильки (Игната), Ст. (Семка) и Лаптя (отныне Вар) [5]). Из решений главные следующие. Составлено заявление о рождении Ольги [6]).

Под ним предложено будет подписаться Борису, и затем оно подлежит опубликованию. С Борисом разговоры, как предполагается, будут носить *утонченно вежливый характер, лишь бы соблюсти некоторый contenance* и лишить возможности господ оппозиционеров лишнего повода для обструкции. О. К. признал за собою право, будучи фактическим выразителем объединенных групп (И. П. ю. Гр. С. С. и т. д.) [7]) издавать за своей подписью листки, исходящие из той или другой организации или лиц, и прошедшие редакционную инстанцию, главным представителем которой является Ю. Гр. [8]), плюс те лица, которые по условиям места и времени могут к ним примкнуть. Затем рассмотрен вопрос об организации транспорта. Главная забота об этом возложена на Касьяна, который организовал группу Каролина [9]) и намеревается в самом ближайшем будущем свидеться с заграничной группой. Попутно решены вопросы и о способах распространения литературы, а также о получении за нее всеобщих меновых эквивалентов. Затем решено, что ОК предлагает всем сочувствующим его усилиям комитетам самообщаться в его пользу. Решено также, что Ольга [10]) не только будет фактически исходить от тех начал, которые положены И[скрой], но и открыто признавать свое родство с ней. В случае же протеста Бориса — не особенно церемониться с ним. Что же касается других вопросов, как, например, вопроса о порядке дня на будущем съезде и проч., то таковые отложены до следующего собрания, *когда выяснится позиция Бориса, [и] когда от вас придет подкрепление* в виде обстоятельного проекта.» [11])

[1]) т. е. конференция. *А. И.-Ж.*

[2]) Гр. — «Гражданин» — кличка д-ра Краснухи, «И» — «Искра», «Касьян» — кличка И. И. Радченко, «Юрий» — «Южный рабочий» *А. И.-Ж.*

[3]) Борис — «Бунд». *А. И.-Ж.*

[4]) Здесь уже под Ольгой подразумевается Организационный комитет. *А. И.-Ж.*

[5]) Все эта клички обозначают последовательно: Кржижановского, Ленгника, Красикова, Стопани и Лепешинского. *А. И.-Ж.*

[6]) Здесь *имеется ввиду воззвание, о котором мы говорили* выше. *А. И.-Ж.*

[7]) Повидимому, «Искры», Петербурга, Южных групп, Северного союза и т. д. *А. И.-Ж.*

[8]) Очевидно, «Южная группа». *А. И.-Ж.*

[9]) «Каролина» — Харьков. *А. И.-Ж.*

[10]) т. е. Организационный комитет. *А. И.-Ж.*

[11]) Цитируем по книге Н. П. Лепешинского — «На повороте», стр. 128 — 129.

Из этого письма совершенно ясным становится и характер нового Организационного комитета и его тесная связь с заграничной Искровской организацией.

Полиция скоро узнала о состоявшейся в Пскове конференции. Она не предполагала только, что эта конференция имеет всероссийский характер, и связывала ее с внутрипетербугскими делами.

Начались аресты. В первую очередь были арестованы три члена нового ОК: Радченко, Краснуха и Лепешинский. Однако, оставшиеся на свободе члены ОК энергично продолжали работу.

«В настоящее время положение несколько изменилось», — пишет Е. Я. Левин в «Искру» из Киева 23 ноября (6 декабря) 1902 г. [1], — «Лапоть [П. Н. Лепешинский], Касьян [И. И. Радченко], Гражданин [В. П. Краснуха] арестованы, взято у Лаптя письмо к Фекле [«Искре»], в котором излагалось об Ольге [Организационном комитете]. Ввиду этого Ольга ввела двух кандидатов: Зайчика [Г. И. Окулову]... [2]) и одного от Сергея [Северного союза] — лицо, Фекле незнакомое, о котором сообщит ей Игнат [П. А. *Красиков*] *при личном свидании*, — он, вероятно, в скором времени будет у Феклы. Медлить дальше с извещением после того, как жандармы *из письма узнали об Ольге, невозможно и поэтому решено сейчас выпустить листок*; прежде всего посылаем вам для напечатания в газете [3]). Бюро пока *будет в Харькове. Финансовая часть* у Зайчика в Москве. Пишите пока в Харьков (шифр Юрия [«Южного рабочего»]), Киев и Москву.

Необходимо, чтобы поскорей пригодные для Ольги лица переправились сюда (например, Перо [*Л. Д.* Троцкий]), так как для удовлетворительной постановки дела требуется много людей. Пусть Фекла [«Искра»] пришлет свой проэкт вопросов съезда, чтобы Ольга могла руководствоваться им при выработке своего проэкта. Север объедет Паша [?], один из представителей Юрия [«Южного рабочего»]. Игнат [П. А. Красиков] просит издать брошюру по организационным вопросам. Юрий предлагает из предосторожности изменить клички Феклы и Юрия и сообщить, кому следует. Письма для Юрия и Ольги пусть пишут пока на адрес Мути [?]».

Вскоре в состав ОК вступил представитель Бунда. [4]) Это было крупным завоеванием, так как Бунд считал себя серьезно обиженным за неприглашение его на Псковскую конференцию. Правомочность ОК во всех отношениях признали следующие

[1]) Копия письма хранится в архиве Истпарта ЦК ВКП(б).

[2]) Перепутанное слово «девер» или «перуя». Ред.

[3]) «Извещение об образовании Организационного комитета» напечатано в № 32 «Искры» от 28 (15) января 1903 г.

[4]) Ноах (Портной).

организации: Петербургский, Московский, Киевский, Харьковский, Екатеринославский, Казанский, Уфимский и Донской комитеты, Северный союз, Союз горно-заводских рабочих, и др. Одесский же и Николаевский комитеты хотя и признали за ОК правомочность по созыву Второго партийного съезда, но находили нежелательным исполнение им некоторых функций Центрального комитета. Даже рабочая организация Петербургского союза борьбы впоследствии признала ОК. Только Воронежский комитет, состоявший также из экономистов, отнесся к ОК резко отрицательно.

Ввиду ареста некоторых своих членов [1]), ОК кооптировал в свой состав ряд новых товарищей. Так в ОК вошли Ек. М. Александрова (жена Михаила Степановича Ольминского, на Втором съезде — Штейн), Б. И. Горев (и Александрова и Горев были командированы заграничной организацией «Искры» специально для работы в Организационном комитете), В. Н. Розанов («Мартын», на Втором съезде — Попов), — как представитель «Южного рабочего», и Роза С. Гальберштадт (кличка «Костя», на Втором съезде — Фишер). В качестве кандидатов были намечены: Розалия Самойловна Берлин («Землячка»), Александр Петрович Доливо-Добровольский («Дно») и Исай Лейбович Айзенштадт (член ЦК Бунда). Доливо-Добровольский, как мы уже сообщали, 27 февраля ст. ст. 1903 г. был арестован.

В Петербург для местной партийной работы в качестве представителя «Искры» должен был поехать Л. Д. Троцкий, но эта поездка так и не состоялась.

От Петербурга в Организационный комитет, после ареста д-ра Краснухи, был намечен недавно приехавший из-за границы Иван Васильевич Бабушкин, однако, в начале января (ст. ст.) 1903 г. он был арестован и Петербург остался без своего представителя в ОК. В качестве посредника с ОК была уполномочена Мария Моисеевна Эссен, под кличкой «Минай».

Руководство работой Организационного комитета со стороны заграничной организации «Искры» лежало почти исключительно на В. И. Ленине. Выше мы уже привели некоторые отрывки из писем Владимира Ильича, где он намечает желательный состав Организационного комитета. В дальнейшем ни один шаг Организационного комитета не предпринимался

[1]) В декабре 1902 года была арестована Г. И. Окулова («Зайчик»).

без предварительного обсуждения совместно с Владимиром Ильичем

«Очень рады успехам и энергии ОК», — пишет Ленин в ответ на письмо Организационного комитета, — «Крайне важно приложить немедленно все усилия, чтобы довести дело до конца и возможно скорей. Постарайтесь скорей заменить члена от Питера (хорошо бы Игната) [1] и напишите подробней о том, как в разных местах (комитетах) отнеслись к ОК. Скоро ли Игнат увидит Феклу [2]. Надо знать точней и скорей. Список вопросов намечался у нас приблизительно такой (порядок по очереди обсуждения): 1) Отношение к Борису [3]) (если только федерация, то разойтись сразу и заседать врозь. Надо подготовлять всех к этому), 2) программа; 3) орган партии (газета новая или одна из наличных, настоять на важности этого предварит[ельного] вопроса), 4) организ[ация] партии (основн[ые] принципы: два центр[альных] учрежд[ения], не соподчиненных друг другу: а) центр[альный] орг[ан] — идейное руководство за границей, б) центр[альный] ком[итет] в России. Все практич[еские] распор[яжения]. Регулярные и частые свидания м[ежду] ними и известные права взаимоучастия или иногда взаимокооптирования. Крайне важно заранее подготовить почву для приведения этого основного принципа и полного уяснения его всеми. Затем: возможно большая централизация. Автономия местных ком[итетов] в местных делах, с правом veto и ЦК в исключительных случаях. Районные организ[ации] лишь с согласия и утверждения ЦК, 5) разные вопросы тактики: террор, професс[иональные] союзы, легализация раб[очего] движ[ения], стачки, демонстрации, восстание, аграрная политика и работа в крестьянстве, в войске и т. д., агитация вообще, листки, брошюры и пр. Тут порядок не соблюден, 6) отношение к другим партиям («Освоб.», Р.-с., поляки, латыши и пр.), 7) отчеты делегатов (очень важно, чтобы отчеты были от каждого ком[итета] и возможно более полные) готовить сейчас же и для безопасности сдавать в ОК для пересылки нам. Стараться всегда характер[изовать] местных эсеров и оценивать их силу и связи в отчетах [4]). 8) заграничные группы и организации (Р. Д. [5]), Жизнь, Свобода, поручить комитету или ЦК выработать план объединения их, 9) 1 мая, 10) конгресс 1903 г. в Амстердаме, 11) внутр[енние] организ[ационные] вопросы: финансы, тип

[1]) П. А. Красиков. *А. И.-Ж.*

[2]) т. е. «Искру». *А. И.-Ж.*

[3]) Бунду. *А. И.-Ж.*

[4]) Подробную инструкцию о том, как составлять эти отчеты и какие вопросы в них затрагивать, Ленин прислал позднее. Она напечатана в «Пролетарской Революции» № 1(24) от 1924 г., стр. 159—167.

Недавно за-границей, в архиве Бунда, были найдены письменные доклады с мест Второму съезду партии, составленные применительно к указанной инструкции-вопроснику Ленина.

Доклады эти ныне на руках меньшевика Б. Н. Николаевского, готовящего их печати. *А. И.-Ж.*

[5]) Р. Д. — «Рабочее дело». *А. И.-Ж.*

организ[ации] комитетов, поручение ЦК транспорта и распределение литературы и т. д. Часть этого, вероятно, придется обсуждать в комиссиях.

Повторяю, что это лишь приблизительное намечание, и порядок только относительно [пунктов] 1—5 обсуждался здесь совместно. При этом из членов редакции я был за то, чтобы пункт 3 поставить на одно из 1-х мест (т.-е. именно третьим), а другой член (Пахомий) [1]) за то, чтобы поставить его после параграфа 5 Я считаю важным сначала решить п. 3, чтобы сразу дать баталию всем противникам по основному и широкому вопросу и выяснить себе всю картину съезда (respective: разойтись по серьезному поводу [2])».

В феврале 1903 г. в Орле состоялось пленарное заседание обновленного ОК, на котором был принят устав по созыву съезда.

Устав этот также был послан на одобрение Ленину, который ответил: «Спешим сообщить, что в общем мы очень довольны вашим проектом, который тщательно и разумно составлен» [3]).

Для того, чтобы обеспечить за Организационным комитетом авторитет у местных организаций и провести необходимые мероприятия по подготовке Второго съезда, в том числе выборы делегатов на съезд, было решено производить систематические объезды России членами ОК. Для большего удобства было решено разделить Россию на определенные районы с тем, чтобы за каждый район был ответственным определенный член Организационного комитета. Шутя, эти районы назывались «сатрапиями». Петербург, вместе с Москвой, вошел в «сатрапию» Бориса Исааковича Горева (Гольдман). В это время благодаря арестам никто уже от Петербурга не входил в Организационный комитет.

Впервые Горев приехал в Петербург в марте 1903 г. Здесь он застал ту картину, которую мы нарисовали в начале нашей статьи. Претендовать на представительство на съезде могли три наиболее крупные Петербургские организации: «Петербургский комитет РСДРП», «Рабочая организация Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса» и второй «Петербургский комитет РСДРП». [4]) Между тем, согласно устава

[1]) Архив Ц. Истпарта. Тетрадь с пометкой «Южный рабочий № 1».

[2]) «Пахомий» — кличка Ю. О. Мартова. *А. И.-Ж.*

[3]) Архив Ц. Истпарта. Тетрадь с пометкой «Южный рабочий № 2».

[4]) Характеристику каждой из этих организаций мы давали в начале статьи.

съезда, от каждого города могло быть представленным не более двух делегатов. Из этого затруднительного положения, представитель ОК Горев нашел «простой» выход. Являясь заядлым «искровцем», он признал первый, «искровский», Петербургский комитет оффициальным комитетом и предоставил ему право избрать обоих делегатов. Это прямым образом нарушало § 10 устава съезда, который гласил о том, что если в одном городе находятся две социал-демократические организации, то они делят между собою голоса и каждая организация может прислать только одного депутата.

Естественно, что обе обиженные организации заявили протест. Согласно § 21 устава съезда такого рода конфликты должны были разрешаться третейским судом в составе «из одного представителя ОК и представителей двух, внесенных в список организаций, ближайших к месту действия которой возникло сомнение». Ближайшими в географичееком отношении к Петербургу комитетами были Тверской и Московский. Тверской комитет выделил для третейского разбирательства Л. М. Книпович («Дяденька»), а Московский — Л. С. Цетлина (участвовавшего на Втором съезде под фамилией Белова). В качестве представителя ОК в разборе этого дела приняла участие специально приехавшая из Киева Е. М. Александрова, которую потом заменил Б. И. Горев.

Не смотря на то, что все члены третейского суда были «искровцами», суд, руководствуясь уставом съезда, вынес постановление, благоприятное для Рабочей организации Петербургского союза борьбы. В докладе Организационного комитета Второму съезду партии это решение излагается следующим образом:

«Относительно Петербурга решено отнять один голос у СПБ Комитета и передать его Комитету рабочей организации (называющему себя также СПБ союзом борьбы), а другой группе, также именующей себя СПБ. Комитетом, предоставлено ходатайствовать перед съездом о допущении на съезд ее представителя, от какового ходатайства означенная группа отказалась». [1])

Начались выборы на съезд. От «Рабочей организации Петербургского союза борьбы» избранной оказалась Лидия Махновец, выступавшая впоследствии на съезде под фамилией Брукэр.

[1]) «Протоколы Второго съезда РСДРП», изд. «Прибой», Ленинград, 1924 г., стр. 23.

От Петербургского комитета решено было избрать двух делегатов: одного с решающим голосом, другого с совещательным. Одним из делегатов вскоре был намечен А. В. Шотман, как член комитета, организатор крупнейшего Выборгского района и в то же время рабочий от станка, работавший на заводе Нобеля на Выборгской стороне. Другого делегата долго никак не могли выбрать. Сперва намечали Е. Д. Стасову, но так как заменить ее в качестве секретаря комитета было некем, то остановились на представителе ОК—Б. И. Гореве, который к этому времени переехал в Петербург и принял активное участие в работе Петербургского комитета.

За несколько дней до 1 мая Шотман, передав дела по Выборгскому району своему заместителю Николаю Николаевичу Юникову [1]), выехал из Петербурга. Такой ранний отъезд (съезд предполагался в конце июля) объясняется тем, что ожидались обычные аресты накануне первого мая и можно было опасаться, что Шотман тоже окажется в числе арестованных. Последующие события вполне оправдали эту осторожность. Накануне первого мая состоялось совместное заседание Петербургского комитета с Комитетом рабочей организации по вопросу о совместном праздновании первого мая. На собрании присутствовал провокатор из числа работников «Рабочей организации», и, в результате, все участники заседания в числе 20 человек были арестованы. Это был тяжелый удар для Питерской организации.

Б. И. Горев уцелел и вскоре имел возможность выехать из Петербурга. Однако, попасть на Второй съезд ему так и не удалось. Переправляясь через границу, он, вместе с делегатом от Нижегородского комитета В. А. Десницким (Строевым), по роковой случайности был арестован и препровожден в Каменец-Подольскую тюрьму, где ему пришлось сидеть около двух лет.

Таким образом Петербург на Втором съезде был представлен, двумя делегатами: А. В. Шотманом (Горский) от Петербургского

[1]) Был расстрелян чехо-словаками в Самаре в 1918 г. В № 1 (25) за 1928 г. ж. «Красная летопись», стр. 223, он назван ошибочно Юносовым. Ред.

комитета и Л. Махновец (Брукэр) от Рабочей организации Петербургского союза борьбы. И, как и следовало ожидать, первый из них примкнул на съезде к большевикам, вторая — к меньшевикам. Общий процесс идейного расслоения российской социал-демократии получил свое отражение и в работе питерской партийной организации того времени.

А. Ильин-Женевский.

В РЯДАХ ПЕТЕРБУРГСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ НАКАНУНЕ ВТОРОГО СЪЕЗДА.

(Воспоминания).

В 1899 году, возвратясь в Петербург, откуда я был выслан в 1894 году, после 6-месячной тюремной отсидки [1]), за участие в рабочих организациях, я поступил на Балтийский завод, в качестве слесаря в котельную мастерскую, и приступил к розыску старых товарищей, с которыми приходилось работать в кружках до своего ареста в 1892 году. Скоро мне удалось найти кое-кого из них. С некоторыми я учился вместе в ремесленной школе Балтийского завода,—они потом работали на заводе в качестве слесарных учеников. Одним из первых мне удалось найти Андроника Крылова, бывшего члена петербурского кружка, работавшего в 1891 году вместе с Фишером [2]) и мною на заводе Яковлева на Петербургской стороне. В 1899 году тов. Крылов работал на Васильевском острове на заводе «Сименс и Гальске», на 8-й линии, и был связан с василеостровскими рабочими. Потом мне удалось розыскать двух товарищей по ремесленному училищу, примыкавших к нашей группе в 1889 — 1890 годах: Григория Водовозова и Ивана Емельянова. Они работали на Путиловском заводе, — один в качестве разметчика, а другой — нечто вроде подмастера. На Балтийском же заводе, куда я поступил на работу, работали два моих брата: Петр Егоров, тоже ученик ремесленного училища, и Яков Егоров, электромонтер, которые были связаны с молодежью завода из разных мастерских. Чрез них нам удалось организовать в Гавани кружок рабочих в 10 — 12 человек. В него входили; мой брат Петр Егоров, слесарь Василий Боборыкин, Никифор Александров, Яков Константинов и

---

[1]) По «высочайшему» повелению от 13 (25) октября 1893 г. Затем был выслан под надзор полиции на 2 года на родину. *Ред.*

[2]) Генрих Матвеевич Фишер, имевший партийное имя — Андрей. *Ред.*